

ВЛАСТЕЛИНА БОГАТОВА

Невеста Княжича

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б73

Иллюстрация на переплете
Ю. Мироновой

Богатова, Властелина.
Б73 Невеста княжича / Властелина Богатова. — Москва : Эксмо, 2027. — 352 с.

ISBN 978-5-04-248041-6

Владислава, дочь лесной ворожеи-обавницы, спокойно жила в лесной глуши, помогая матери и мечтая о большой любви. Но однажды на пороге их дома появляется князь, разыскавший свою незаконнорожденную дочь от некогда любимой женщины. Теперь Владиславе предстоит расстаться с привычной жизнью, отправиться в столицу и, покорившись воле отца, выйти замуж за чужеземного княжича. Он красив, высокомерен и... проклят. Сможет ли девица из леса завоевать сердце своего жениха и спасти его от верной смерти?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Богатова В., текст, 2027
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2027

ISBN 978-5-04-248041-6

Глава 1
САРКИЛСКИЙ КНЯЗЬ

На заре в лесу сказочно: листочки, сбрызнутые утренней росой, переливаются в солнечном свете, рыжие стволы сосен окружают частоколом, топорщатся вокруг, привечая Владиславу, защищая. В лесу тихо и влажно, только заливисто щебечет птаха, шепчут над головой хвойные кроны. Девица вслушалась. Нет, не понять ей говора деревьев, а ведь матушка учила... Не переняла дочь от Омелицы способность эту.

Девица подобрала низ шерстяного платья, стряхивая веточки и сухую листву, ступила по мягкой, усыпанной хвоей земле, подошла к сосне бурой и, прильнув к стволу могучему, обняла. Нос защекотал запах душистой смолы. Дерево сразу приняло Владиславу, обволакивая тёплым невидимым одеялом. Матушка говорила, что в стволы вселяются души предков далёких и живут в них, оберегая людей от напастей и бед. Прислонившись ухом к шершавому стволу, Владислава застыла, всем своим существом ощущая, как

сосна дышит. На сердце сделалось так хорошо, светло да чудно, что Владислава осталась подле древа, наслаждаясь обретённой лёгкостью, невесомостью, будто обратилась она пёрышком голубиным. Ещё бабка её умела перенимать силу леса да исцеляться, а матушка рассказывала, что не раз деревья спасали людей честных. Глубокие смертельные раны затягивали, кровь останавливали, стоит лишь полежать у корней, напитываясь лесным духом. Матушка много чего знала, потому как её матушка, Владина бабка, была русалкой. А волхв Оногость говорил, что рождённые от русалок и человека дети становятся обавницами или обавниками. Вот и матушка обавница[1], и Владиславе передался от неё дар.

Так и идёт он из поколения в поколение. И кто знал о том, что в роду русалка есть, силы того вдвойне превышались, а кто не знал, тот не ведал в себе никакой силы. Влада знала.

Она погладила кору, отвлекаясь от дум, зашептала тихо, едва слышно:

— Ой, Ладушка[2]-матушка, не оставь меня без любви и счастья. Благодать свою ниспошли, чту тебя и славлю. И тебя, Макошь[3]-матушка, славлю, даруй удачу...

Владиславе не хотелось выпускать из объятий сосну, однако нужно было возвращаться. Омелица-матушка спуску не даст, строга она да тверда, что

---

[1] Обавница — в переводе с древнеславянского «обавить» — значит нести в мир свет и тепло. Обавница — это женщина, воплощающая в себе истинную женскую силу.

[2] Лада — славянская богиня. Высшая творческая ипостась Родника Вселенной, это могучая энергия созидания.

[3] Макошь — славянская богиня судьбы.

камень — задержись ненадолго, другой раз не пустит погулять. А тем более в нынешнее время неспокойное, тёмное. Лес хотя и укрывает, но молодой девице не пристало бродить одной, когда рядом бесчинствуют душегубы — веренеги. Страшное это племя, жестокое. Но как не гулять, коли в лес так тянет? А чтобы без дела не бродить, решила Владислава грибов малость собрать. После вчерашнего дождя вылезло их целое море, оттого до краёв наполнилась корзина её.

Владислава огляделась. Неподвижны деревья и кусты орешника, даже зверей лесных — и тех не видно и не слышно. Но беспокойные думы о лютых убийцах растворили былую лёгкость. Влада разомкнула руки и отступила, подхватила с земли корзину и пошла той же тропкой, коей пришла в лес. В голове, что осы, роились нехорошие мысли, всё больше поселяя в душе тревогу. Хотя и знала дочь обавницы заговоры разные на отводы глаз и напугать знала как, что у врага вмиг голова снежной становилась. Защищала её сила матушкина, земля родная, но всё одно — боязно перед смертельным врагом. Если их немного было бы, она бы ещё смогла заморочить головы, а коли их с десяток, то не вырваться девице из рук стервятников. Да ладно бы стрелой пронзили или мечом зарубили, а то ведь возьмут силой — и прощай, родная сторонушка. Увезут за дали дальние, продадут задаром. И матушка, и калогостские говорили, что девка она пригожая, хороша собой, можно сказать, первая красавица на дворе. Не обделила её Макошь ликом светлым, пригожим, станом тонким да талией узкой, многие сравнивали с берёзкой гибкой: кожа

белая, косы чёрные до самых лодыжек, а глаза зелёные, что молодая листва по весне. Ходили слухи, что Омелица-обавница наворожила красоту дочке, да только сама матушка сказывала, что пошла Влада в отца своего.

Владислава вздохнула. Не видела она батюшки своего ни разу за все свои восемнадцать вёсен. Омелица ведала про него мало, можно сказать, совсем ничего, говорила только, что храбрый он и воинственный...

Стёжка становилась всё шире да приметнее, а ельник редел и светлел. Владислава несла тяжёлую корзину свою, сбивая с травинок росу, и всё тревожили её мысли разные. С самого утра в груди ворочалось нехорошее чувство, предвещая неладное. Влада вновь осмотрелась и ускорила шаг. Бережёную девицу боги берегут. Была бы она замарашкой безродной, ни один тать не позарился бы. Владислава будто пожалела, что не уродилась такой. Всё же обидно становилось, что молодцы ухлёстывают за ней слепо, не видя души её. Им красоту только эту и подавай.

— А вот так, чтобы по-настоящему полюбить... — мечтательно протянула Владислава и улыбнулась глупой мысли. — Хотелось бы, чтобы любовь никогда не проходила и оставалась страстной и сильной всю жизнь.

Она подняла голову к небу, почувствовала, как что-то невидимое и сильное хочет вырваться наружу, не сдержала порыв, проговорила:

— Пошли мне, Макошь-матушка, любовь пламенную, незакатную, крепкую, да во все дни, во всякие времена, а за то я... — Владислава запнулась, лихорадочно думая, что же поднести богине в дар взамен

исполнения своего горячего желания, и, озарённая, сказала: — За это я воздвигну острог[1], нет, целый город и поставлю храм в твою честь! — Проговорённое обещание подхватил ветерок и отнёс к макушкам, разметав по воздуху пылкие слова.

Владислава так и шла с поднятой головой по ровной стёжке, смотря в махровые кроны, ждала. Но ответа не последовало, только тишина царила нерушимая.

По силе Владиславе приворожить любого, кого захочет, хоть красавца-молодца, хоть самого князя, да только всё это не по сердцу ей и отвратно. Не смела она ворожить против воли чужой, счастья не будет ей от любви такой, неживой.

Владислава туго вдохнула сырой, пропитанный грибами и хвоей воздух и, пройдя ещё пару вёрст, вышла на опушку леса. Солнечные лучи озарили её маленькую фигурку, согрели. Среди листвы серое платье её выглядело не слишком приметным. Сорвавшись с места, она прытко пустилась вниз, сбегая с пригорка по прохладной траве, проносясь мимо низеньких ёлок, берёз и кустарников. И так ей тревожно сделалось, что не заметила она усталости в ногах и тяжести корзины, бежала до самого Калогоста, пока не оказалась перед чурами[2] родными. Тут и успокоилась, пошла шагом. Дальше уже безопасно — заговорённую границу не переступят чужаки.

Сделав поклон до земли древам-дедам, Владислава пошла дальше стёжкой узкой. А вскоре с холма

---

[1] Острог – фортификационное сооружение, постоянный или временный населённый пункт.

[2] Чур — славянский бог родового очага.

показался высокий частокол с башенками — то был небольшой острог Калогост. Но терем её возвышался подле самой речки неширокой, примостился будто сам по себе, с острогом не считаясь. Оно понятно, ведь хозяйка его — обавница, с простыми людьми такой не ужиться. Да и селятся чаровницы поближе к природе да к духам, к воде, к русальим заводям.

Взору Владиславы всё больше открывался родной берег. Увидела она и конёк резной, и наличники на окнах кружевные. Огромен дом её, в два жилья высотой. Однако что это там? Столпилось людское море, народу тьма от мала до велика. Никак беда?

Заторопилась. Но не успела перейти мост, как послышался звонкий крик. Две девичьи фигурки бежали по крутому берегу. Издали лица их казались тревожными и даже напуганными. Сердце Владиславы заколотилось, так и замедлила она шаг, с трудом переставляя вдруг отяжелевшие ноги. Влада узнала своих подружек — Полелю и Купаву. Но чем они так встревожены?

Перебежав мост, подружки приблизились, едва не сбив Владиславу с ног, стали наперебой галдеть.

— Ой, Владислава, гости какие у нас дорогие, где же ты бродишь-то, волчица? Ты такое пропустила! — закатила глаза рыжеволосая Купава, хватая руку Владиславы и прижимая к своей груди.

— Матушка твоя кликала, а тебя и нет кругом, — наморщила носик Полеля, но тут взгляд её упал на корзину с грибами.

— Да ты в лес никак ходила! — воскликнула она, вскидывая светлые брови, округляя глаза. — С ума сошла! Да кто ж тебе велел? Кто же пустил? Неужто не испугалась душегубов поганых? — сокрушалась

подруга, вздорно откидывая светлую тяжёлую косу свою за спину.

Недаром назвали её Полелей, потому как родилась она на поле, и волосы были её что колосья пшеничные, а нрав весёлый и задорный. То ли дело Купава, строгая веснушчатая девица с холодными, синими, как лёд, глазами.

— Да тише ты, неугомонная! — одёрнула Купава Полелю. — Ведь услышат.

И правда, на берегу люди уже посматривали в их сторону.

— Ну и ходила, и что? — усмехнулась Владислава. — Не боюсь я ничего, да и не тронет меня никто.

Что в лес она ходила без спроса у матушки, то правда, но, если с другой стороны судить, взрослая уже, своей головой пора думать да дороги выбирать. Владислава обратила зелёные глаза на подружек и напомнила:

— Кто там пожаловал к нам?

Полеля тут же откликнулась и подразнила сперва:

— А ты как думаешь, угадай?

Повисло молчание. Владислава даже не пыталась представить, кого можно встречать всей весью, разве только...

— Сам князь Саркилский Будевой пожаловал к нам! — воскликнула Полеля, не выдержав затянувшегося молчания, спеша похвастаться, сняла с языка предположение Владиславы.

У той так и потемнело в глазах. Удивила её новость нежданная, и одновременно с сердца отхлынул страх. Она-то испугалась уж... а чего — непонятно. Хотя как же, ясно чего — давно матушка поговаривала, что сосватать она желает Владиславу, уже и года

её подошли. Вот же трусиха, не пристало ей, дочери обавницы, страшиться женихов. Однако что же князю понадобилось от её матушки? Ведь гость важный был впервые на их пороге.

— Тут такое было! — продолжила Полеля, которой и знай только поболтать бы. — Дружина собралась, волхв да старейшина. Встречали князя чинно.

— Хлебом да солью, — подхватила Купава.

— А князь-то, только взором повёл и, отказавшись от застолья богатого, которое быстро собрали наши бабы калогостские, с Омелицей уединился в тереме, — протараторила Полеля.

— Как это? — не поняла Владислава. — Что значит — уединился? — хлопнула она ресницами.

Подружки переглянулись и захихикали тихо.

Не понравилось Владе, как смеются они над ней, просмеивая её матушку, даже пусть и в шутку. Всем было известно, что обавницы могли иметь не одного мужа и сами они выбирали себе жениха. В других землях за блудниц бесстыдных их принимали... Но Владе нужен только один...

— Да не злись, — первой затихла Купава, встретив гневный взгляд Владиславы. — Но долго они уже там, о чём разговор ведут — нам неведомо.

– Омелица отчаялась тебя искать и нас за тобой послала.

— Так чего же ждать, пошли, — сказала Владислава, вырываясь из рук подруг.

А у самой в груди тревога забилась. Для чего она так нужна матушке?

Так и шагала Влада, раздумывая, не смотря в глаза горожанам, что толпились у её ворот. Они между собой переговаривались, смотрели на Владиславу. А та

заметила, что многие девицы успели даже нарядиться в расшитые платья и понёвы, мужи держали в руках серебряные крынки на случай, если князь захочет испить в дорогу. Никто не осмелился окликнуть, остановить Владиславу, ведь не знали они, зачем пожаловал Будевой в их глухомань, и тревожно всей весью ожидали, когда выйдет к ним князь.

Как только девицы ступили на широкий двор, столкнулись с всадниками, которых было с десяток, не меньше. Заполонили они всю площадку хозяйскую, что вдруг тесно стало.

Владислава так и окаменела. Всё бы ничего, ведь разные гости приезжали в Калогост, да только не были те так богато наряжены: в кафтаны бархатные, сапоги кожаные с высокими голенищами, в шапки куньим мехом наружу. Как ни богат и сыт был острог, такого богатства никто из здешних не носил. Лошади не меньше нарядны: сбруи бахромой увешанные, золотыми дисками сверкают, аж глаза слепит.

Княжеская свита вся как один повернулась к воротам, смеряя трёх девиц суровыми, а затем вдруг разомлевшими взглядами. Между собой переглянулись и заулыбались; не сразу Владислава поняла, что могло так заинтересовать их да потешить. Обернулась. Белокурая Полеля и рыжая Купава легонько подтолкнули подружку свою к порогу, а сами давай глазками стрелять на статных молодцев, те и улыбались им.

— Ты ступай, а мы тебя здесь подождём, — шепнула Полеля, румянясь на глазах. Купава же застенчиво опускала ресницы под взглядами витязей.

И только тут поняла Владислава, какое счастье привалило молодым да незамужним подружкам. Усмехнулась, расправила плечи и глянула на всад-

ников, рассматривая их с большим интересом. Что и говорить, какими бы красивыми и пригожими ни были местные юноши, всё одно не под стать крепким витязям. Все широкоплечи и удалы, иные даже вовсе без бород, светловолосы и сильны. Всадники вооружены до зубов саблями, луками, топорами да секирами. И дивно стало от их вида Владиславе, никогда она не рассматривала так близко княжескую свиту, разве что на ярмарках в стольном городе, да и то издали.

Влада обернулась к подругам.

— Как бы вы не растерялись в выборе своём, — усмехнулась она и мерно, будто сама княжна, зашагала к порогу под пристальными взглядами витязей.

Ощущая всем своим естеством их восхищение и пристальное мужское внимание, Владислава тут же почувствовала своё превосходство, а внутри сила её женская так и возросла. Вспомнила она, насколько хороша собой. И, чтобы ещё больше раздосадовать подружек да напомнить им злорадство их, стрельнула глазами на молодцев, приковывая к себе их внимание, так, что те зачарованно смотрели только на неё, позабыв поприветствовать, будто видели не обычную девицу, а как есть богиню Зарницу[1], напрочь позабыв о девках, что ждали у ворот.

Влада опустила ресницы, рассеивая чары, быстро высвободила их души. Теперь не позабудут они её взгляда никогда. С улыбкой прошла она за порог, стараясь не показывать, как сжимается и колотится всё внутри от волнения. Зашла в полутёмные сени, захлопнув за собой дверь. Прислонившись к ней спи-

[1] Зарница — богиня рассвета, утренней зари, начала дня.

ной, закрыла глаза, чувствуя, как отнимаются ноги и трясутся колени. А отчего, сама не знает: то ли от волнения перед встречей с князем Будевоем, то ли... Владислава покачала головой, провела по взмокшему лбу ладонью, честно признаваясь самой себе, что хотела бы она остаться с подружками там, за дверью.

В сенях пахло овчиной и пылью. В темноте, успокоившись, Влада выпрямилась и вслушалась. Из горницы не исходили никакие звуки. Пусто, что ли? Она опустила полную лесных грибов корзину на лавку, осторожно зашагала к двери на ослабших ногах, скрипя половицами. В полном молчании вошла в дверь, окинув одним взглядом залитую светом горницу, тут же выхватывая в золотистой дымке два силуэта.

Матушкин тонкий стан она угадала бы даже в кромешной тьме. Князь Будевой стоял у окна подобно каменной глыбе, едва не подпирая макушкой потолок, так он был высок, статен и могуч. Облачён был в дорогое красно-бурое корзно[1] и цветную рубаху с вышитыми воротом и рукавами, а поверх рубахи — кольчуга из тонких серебряных колец, что переливалась чешуёй.

Омелица заметила Владиславу первая, обратив на дочь такие же зелёные, но мудрые глаза, сжала тонкие губы. У Владиславы они были пухлее, видимо, не передалась ей эта черта от матери. Оно и хорошо, ведь когда матушка сжимала так губы, то сразу её лицо становилось строгим, оттого и потемневшим. Нет, Омелица не была стара, её возраст как раз тот, когда женская сила достигает самого цветения. Красота её была раскрытой, полной, благоухающей, а все движе-

[1] Корзно — плащ с меховой опушкой.